
Александр ЛОМТЕВ

ОЧЕНЬ СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Повесть

Так вот, значит, как умирают от жажды. Голова налита свинцом, в глотке ком наждачной бумаги, ноги и руки ватные, а в ушах гул. Кое-как поднял тяжелую голову и осмотрелся. Барханы, барханы, барханы — бесконечная светло-желтая всхолмленная песчаная равнина, прокаленная безжалостным солнцем. Неясный, дрожащий в горячем мареве круг горизонта далек и недостижим; я вдруг ощутил себя таким маленьким и ничтожным, что всякое желание двигаться испарилось. Лежать, лежать, высохнуть, распасться на отдельные кости и белеть на солнце, как белеют вон те, выскобленные ветрами останки верблюда.

Телу умирать, однако, не хотелось, и я снова пополз, обжигаясь о песок и задыхаясь от сухого зноя. И мне повезло. Вода появилась именно такой, какой должна была появиться. С вершины очередного бархана я увидел ее — прозрачную, прохладную, играющую серебряными бликами. Маленькое озерко с горсткой зелени на берегу. В центре озерка, подталкиваемые струйкой ключа, плясали бесконечные песчинки. По сыпучему склону бархана я съехал вниз, и меня всего скрутило, свело судорогой предчувствия первого глотка. Я рванулся к воде и... не смог сдвинуться с места.словно парализованный, полураздавленным червяком на дороге, корчился я в метре от воды. Я хрипел, изо рта текла горькая, липкая слюна, которую невозможно ни проглотить, ни сплюнуть. Я задышался от запаха свежей воды, слеп от солнечных бликов, глух от нежного шелеста камышинок. Я испугался — мне ни за что не одолеть этого отрезка пустыни длиной в шаг. Солнце смотрело на меня глазом грифа, почуявшего добычу; но как это глупо — умереть в метре от воды. Я собрал всю оставшуюся во мне жизнь и выплеснул ее в один бросок — ринулся к воде, и солнце обрушилось на меня, заливая глаза ослепительным белым светом...

...Прохладный свет раннего утра широким потоком лился в окно. Я сидел на полу в метре от растерзанной постели и медленно приходил в себя. Прямо перед носом покачивалась на одной кнопке сорвавшаяся от удара карта. На лбу созревала большая шишка. Я сосредоточил взгляд на пестром куске бумаги, вобравшем в себя одну шестую часть мира, и между голубой кляксой Аральского моря и синей жирной запятой Каспия увидел светло-коричневое пятно Устюрта. Тоненькой, прерывистой линией по нему пролегал маршрут нашей экспедиции...

Сегодня, годы и годы спустя, я удивляюсь, как, каким шальным ветром занесло нас в тот суровый, опасный, по-настоящему дикий и поныне малоизученный пус-

Александр Алексеевич Ломтев — журналист, писатель. Родился в 1956 году. Основатель и издатель культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Публиковался в различных литературных журналах России. Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытие года»), «Ундервуд», «Пепел памяти». Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», премии «Патриот России» и др. Живет в г. Сарове Нижегородской области.

тынный край. Какой искуситель нашептал на ухо, что вот именно нам, молодым, не сведущим в науке и путешествиях любителям книг Джеральда Даррелла и визборовских песен у костра из среднерусского городка, имевшим за плечами по два-три похода на байдарках и велосипедах, непременно нужно отправиться в Среднюю Азию на поиски самого быстрого степного зверя — гепарда.

Не меньше удивляет и то, что удалось склонить на эту авантюру людей старше себя по возрасту и по житейскому опыту. Возможно, сыграли роль молодая наглость и неудержимый азарт да еще письмо научного сотрудника зоомузея МГУ Евгения Матюшина, которому моя уверенность в существовании среднеазиатского гепарда в самых труднодоступных местах Устюрта и Северных Каракумов очень понравилась.

Кое-что о гепарде

Гепард — удивительное животное. Формально — кошка. Но этот зверь настолько отличается от остальных «родственников», что ученым пришлось выделить его в особое подсемейство. И действительно в этом красивом, изящном, по-своему грациозном звере больше собачьего, чем кошачьего. Тело у него обтекаемой формы, живот поджарый, голова небольшая с короткими ушами, хвост тонкий и длинный, ноги очень длинные и сухие. И если бы не кошачья-таки морда — был бы он сравним с русской псовой борзой. К тому же когти на лапах не втяжные, как у всех кошачьих, а по-собачьи тупые. Да и характер у этих зверей не кошачий: они легко терпят присутствие друг друга, а прирученные, проявляют преданность собаки. К тому же в отличие от большинства кошек гепарды охотятся исключительно в светлое время суток.

Но главная «изюминка» гепарда — скорость, он абсолютный мировой рекордсмен, в спринтерском рывке развивает скорость свыше ста километров в час! Причем во время бега гибкий позвоночник гепарда сгибается, как у тех же русских борзых, настолько, что зверь способен выбрасывать задние лапы далеко вперед. На такой скорости важную роль играют как раз не втягивающиеся крепкие когти, которые усиливают сцепление лап с землей и не позволяют гепарду поскользнуться при резком повороте. При этом хвост на поворотах отбрасывается в противоположную сторону, становясь своего рода стабилизатором.

И вот, считая гепарда экзотическим существом из далекой Африки, я вдруг с изумлением узнал, что он во множестве водился в Средней Азии и был приручаем не только богатыми казахскими и туркменскими баями, но и русскими князьями.

«Владыки давних времен, — писал популярный в семидесятые годы прошлого века журналист-натуралист Василий Песков, — считали престижным держать в доме живого гепарда. Кое-где эта страсть доходила до ошеломительных крайностей. Один из индийских Моголов — Акбар — для пышных своих охот приручил 9000 гепардов...»

Сведения о гепарде встречаются и в русских летописях; там они называются пардусами. В «Повести временных лет» Святослав, сын Ольги и Игоря, убитого древлянами, сравнивается с гепардом: «Князю Святославу, возрастетю и возмужавшю, нача вой совокупляти многи и храбры и легко ходя аки пардус войны многи творяще». В Ипатьевской летописи 1147 года сообщается, что Святослав Ольгович Северский подарил гепарда основателю Москвы Юрию Долгорукому. «И приела Гюрги и рече: приди ко мне, брате, в Москву. Святослав же еха к нему с детем своим Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимера Святославича. Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус».

Прочитав массу статей о среднеазиатском гепарде, я вдруг понял, что никто достоверно не знает, действительно ли он вымер на просторах пустынь и полупустынь СССР или обитает еще где-то в самых труднодоступных уголках между Аральским и Каспийским морями. Изучив подробные карты среднеазиатских республик, я пришел к выводу, что если гепард и сохранился где-то, то только в районе Северных Каракумов на границе с Устьуртом. О чем, ничтоже сумняшеся, написал на кафедру зоологии МГУ и принялся собирать команду для путешествия в район озера Сарыкамыш, о котором совершенно ничего тогда не знал.

К моему удивлению, научный сотрудник МГУ Евгений Матюшин не только ответил на мое послание, но, одоббив идею экспедиции, приложил к письму подробные рекомендации и рисунок следа гепарда. После этого я с еще большим жаром принялся агитировать друзей на это авантюрное путешествие, и в конце концов мы отправились в путь.

Впрочем, сегодня я думаю, что, может быть, совсем не гепард толкнул моих друзей на участие в той странной аванюре. Просто не хватало в жизни чего-то яркого и необычного, как сегодня говорят — драйва. Плыли мы тогда в самых густых советских временах. Шестидесятая вольница давно уже кончилась, о дальних странах можно было только читать или мечтать, и люди, непоседливые умом и темпераментом, прятались от советской действительности в свои миры. Те, что попроще, становились цеховиками и фарцовщиками, зарабатывали валюту и время от времени садились на долгие срока; те, кто искал смысла жизни, уходили в интеллигентные дворники, диссиденты или, если не хватало жесткости в характере, в йогу или туризм. И хотя словосочетание «социалистические страны» еще не звучало в устах броватого Леонида Ильича как «сосиски сраны», но слово «систематически» уже понемногу становилось похоже на «сисыски-масисыски».

Провожая нас в дорогу, старый и очень опытный путешественник, которого все в нашем городке звали исключительно по отчеству — Петрович, сказал загадочно: «Ну, ничего особенно страшного вы там не встретите, в смысле змей, скорпионов и басмачей — обычные змеи и обычные басмачи, но помните, что это все-таки Азия — очень Средняя Азия».

«Сестрички»

В небольшом городке близ Амударьи, где мы застряли в ожидании попутного транспорта к юго-западным отрогам Устьурта, имелось все, чему положено было быть в советском населенном пункте: больница, дом культуры, книжный магазин, школа и, естественно, гостиница. Одноэтажная, серая, окруженная чахлой акацией и скрученным ветром и солнцем саксаулом, она стояла в пыли пригорода, и из окон ее мы несколько вечеров наблюдали зарево пустынного заката.

Дни проходили то в предотъездных хлопотах и беготне по невыносимой жаре в рубашке, пропитанной потом, то в поглощении нескончаемой череды пиал огненного зеленого чая. Когда жара спадала и солнце уходило за редкую гребенку топей на дальних бахчах, можно было сесть на скамеечку у обшарпанного фасада гостиницы и расслабиться, ловя горячей кожей первую вечернюю прохладу.

Тут-то они и появлялись. Сначала старшая — Гуля, туркменская девушка лет двадцати пяти. Взлохмаченная, с помятым лицом и кругами под глазами, в заношенном халате, она шла в общий душ, долго там плескалась, сначала молча, а потом, постепенно приходя в себя, запевала что-то по-туркменски. Она возвращалась в комнату, и через пару минут там начинался скандал: старшая поднимала младшую с постели. Все начиналось с едва слышного ворчания, а заканчивалось

пронзительными воплями, после чего из комнаты выскакивала младшая — Лариска — и пулей летела в душ. В душе она орала, продолжая заочно скандалить с Гулей, потом умолкала, а обратно шла медленно, полуприкрыв глаза, с тюрбаном из полотенца на голове. И была она очень красивой. Длинные ноги с тонкими щиколотками, тонкие руки с точеными запястьями, узкие бедра, прямая спина, длинные ресницы — что еще? Походка... Взгляд... Наполовину русская, наполовину немка... Немцев много было в те времена и в Казахстане, и в Средней Азии. Теперь уж наверняка нет. Да и русских-то, пожалуй, осталось совсем немного. Половина постояльцев гостиницы выбиралась в этот момент из своих душевых нор, чтобы «случайно» встретиться с Лариской. И она плыла королевой. А была, по сути дела, проституткой, как и ее старшая «сестрица» Гуля. Но это я, типичный советский человек, отчетливо осознал только спустя многие годы, а тогда эта парочка производила на меня, правоверного строителя коммунизма в отдельно взятом, неизгладимое ощущение чего-то несоветского, преступно-порочного, но отчего-то не вызывающего откровенного неприятия, а даже, пожалуй, тайно притягивающего.

Во дворе гостиницы стоял большой круглый стол, обставленный удобными скамейками. К этому столу парочка и выходила на вечерний чай. Гуля хлюпала из пиалушки, заталкивала в рот приторные восточные сласти и с набитым ртом заговаривала с каждым, кто проходил мимо или присаживался за стол. Лариска раскрыла книжку и с надменным видом скользила взглядом по страницам, лишь изредка поднося пиалу к красным сочным губам.

Едва жара окончательно спадала, они уходили в свою комнату и появлялись из нее роскошными дамами. Ясно, что одежда на них была, как тогда говорили, «от фарцы». Если учесть, что фарцовщики торговали своим контрабандным товаром по ценам совсем несоветским, деньги у Гули и Лариски водились немалые. Иногда они уходили пешком, чаще за ними заезжали на машине черноголовые, почти всегда усатые мужчины.

Старый вахтер-туркмен качал им вслед головой и вздыхал:

— Какой хороший девушка, и так зря пропадает!

Солнце тонуло в мареве раскаленной пустыни, над дальней бахчой завивался дымок вечернего костра, ишак начинал печально кричать где-то среди окраинных глинобитных домишек. Я сидел на скамейке, вдыхал густо настоящий пряный нерусский воздух, наблюдал нервный полет первых летучих мышей в густеющем синевой небе и пытался представить себе, где и с кем в этот вечер Гуля и Лариска.

Приятель, заметив, как я посматриваю на Лариску, сказал как бы мимоходом:

— И не думай, парень, эта бабочка быстро сгорит. Вокруг огня вьется, ты не из ее жизни.

Приятель мой был человек бывалый, видавший виды. Говорил мало, но по делу. Он, конечно, был прав. Только беспокоиться ему было ни к чему: я и сам ни за что не подошел бы к Лариске, не смог бы заговорить с ней. Возраста мы были примерно одного, но я сразу почувствовал себя в сравнении с ней лопухим щенком. Понимал, что знает она о жизни нечто такое, что мне, русскому мальчику из простой полурабочей-полудеревенской семьи, может быть, никогда и не узнать.

Попутного транспорта все не находилось, и вечера на пяточке перед гостиницей тянулись долго, но порой интересно. Народ сюда приезжал со всего Союза, люди разные, как правило, тертые. Было что послушать в неторопливых посиделках за бутылкой водки, в клубах сигаретного дыма, сизыми разводами плавающего в безветрии. Над столом горела одинокая лампа, вокруг которой вился хоровод огромных ночниц, сшибаемых иногда серой молнией летучей мыши. Порой на край стола вскарабкивался большой богомол и застывал в своей монашеской позе, словно

прислушиваясь к человеческим речам. Богомол был своим, его не трогали. Как все это было не похоже на вечера в России, в городе ли, в деревне у деда... И в то же время чем-то неуловимым похоже. Так хорошо думалось, что люди везде одинаковые, а живут хоть и по-разному, но если приглядеться...

Время от времени к гостинице приходил молодой узбек с ненастоящим именем Володя. Блестел крупными белыми зубами, шутил, предлагал всем «товар». Товар — самокрутные сигаретки с «травкой». По советско-непорочной девственности мы сначала думали, что с самосадным табачком. Но нам разъяснили: с «травкой» — значит с наркотиком. Верилось в это с трудом, наркотики — это что-то «тамошнее», из «загнивающего Запада», но у нас, в СССР?! Нет, конечно, некие темные стороны жизни были нам известны, но все они как-то незаметно вписывались в советское плакатное полотно бытия. Фарца, приклатненный сумеречный мир рабочих пригородов и поселков, неприятные и малопонятные диссиденты, ночное чтение «Ивана Денисовича», нищие незаметные бабушки, собирающие бутылки за утренними алкашами в городском парке... Сейчас об этих темных сторонах советской действительности можно вспоминать почти с умилением...

— Ты меня не бойся, — подсаживался ко мне смуглый Володя. — Тут, конечно, мы все басмачи. Но пока вы нам завод строите, вас никто пальцем не тронет. Если что — только скажи, что Володька Черный твой друг. И все!

Ночью я засыпал под неумолчный стрекот цикад и подвывание шакалов с окраины. Иногда сквозь сон слышал, как к гостинице подъезжала машина и через минуту раздавались ворчание вахтера и пьяные смешки Гули и Лариски.

Наконец нам сообщили, что нашлась попутка и нас обещают забрать. В тот день подруги никуда не пошли. Утром, как обычно, вышли во двор на чай, посидели-поболтали с кем придется, а потом делали что-то в своем номере, видно, ждали гостей.

Ребята ушли на базар, а я распахнул окно и дверь, чтобы хлипкий сквозняк хоть чуть-чуть развеял полдневную духоту. В открытую дверь и впорхнула маявшащая без дела Гуля.

Она плюхнулась на стол у окна и принялась обмахиваться сухой рыжей лепешкой, словно веером. Она смотрела на меня так пристально и насмешливо, что мне сделалось не по себе.

— Один скучаешь? А дружки где?

— На базар ушли...

— И что ты один сидишь, купил бы бутылочку, завалился бы к нам. Лариска на тебя глаз положила... Хочешь Лариску? Знаю, что хочешь. Но не получишь. Ты таких денег никогда не заработаешь, трудяга. Лариска — девочка дорогая. Чего молчишь-то?

Она бесстыже раздвинула ноги, халат разошелся, и... Спас положение сосед-командировочный, заглянувший в комнату. Гуля быстро оправала халат, вскочила со стула и шмыгнула за дверь.

— Чего этой шалаве надо было?

— Соли попросила.

Остаток дня я провалялся на продавленной кровати, рассматривал на потолке письма судьбы, выписанные замысловатой паутиной трещин, и в полудреме мечтал. Вот наберусь решимости, подойду к Лариске и объясню ей, как неправильно она живет, расскажу ей про свой родной городок и позову с собой. Прошлое ее, конечно, забуду, буду любить и беречь... Она поймет — она умная и добрая. Это же сразу видно, просто так уж сложилась судьба, но с судьбой можно бороться...

Я и сам чувствовал, что все это явно отдавало Достоевщиной, что никуда не пойду и сказать ничего не смогу. Но отчего же не погрезить...

Вечером к девушкам пришли гости — все те же крупные черноволосые усатые мужчины. Сначала из комнаты «сестричек» доносились музыка, громкий смех и все, чему положено доноситься из помещения, где вовсю кутят. Потом там случилась ссора, которая разрослась и выкатилась дракой в гостиничный коридор. Драка получилась серьезной. С ножами, бутылочными горлышками в острых зазубринах. Сосед-дальнобойщик, улегшийся было спать, чертыхаясь, натянул «треники» и пошел в коридор.

— Сидите тут, — рявкнул он нам, когда мы рванулись было за ним. Слышно было, что на шум потянулся и народ из других номеров.

Конечно же, мы не остались в номере и высыпали в коридор, но сосед уже шел навстречу.

— Хахали Лариску не поделили. Гулю стулом ударили, стекло выбили в окне...

Я не мог уснуть и ворочался до утра, прислушиваясь к едва доносящимся звукам из номера девушек — всхлипы не всхлипы, плач не плач...

Утром обычной ругани между Лариской и Гулей не было. Лариска шла по коридору в душ. Шла, держась за стенку. На длинных ногах ее я увидел потеки присохшей крови. Мутноватыми в припухших веках глазами она посмотрела на меня, словно хотела сказать что-нибудь вроде: «Чего вылупился?», но не сказала. Рыдала за стеной Гуля. Потом приходил участковый, долго, громко и сердито бранился за стенкой. Вахтер испуганно сидел за своим столом. И когда мы, вынося к грузовику свой скарб, проходили мимо, старик отчего-то сказал:

— Это не я милиция вызывал, это комендант вызывал милиция...

Еще до того, как мы отправились в путь, Гуля с Лариской из гостиницы съехали. Их комната осталась незапертой, и я вошел в открытую дверь. Пахнуло духами, на постели валялись чулки, на столе какая-то женская мелочь, на подоконнике банка из-под кильки, набитая окурками. Рядом лежал перевернутый обложкой вверх томик. Я взял книгу в руки. Хемингуэй. «У нас в Мичигане». Надо же...

Дядя Костик

Ребята забрались в тентованный белым брезентом кузов, а мне досталось место рядом с водителем. Его звали дядя Костик. Дядя — потому что был пожилой, Костик — потому что росточку был невысокого. Что называется, «метр с кепкой». Однако, как говорили, шофер классный. Едва машина тронулась, как дядя Костик заговорил. Похоже, о чем говорить, ему было совершенно безразлично. О том, какой фильм видел на днях, почему купил кожаную куртку на рынке, о братниных детишках; своих-то нету. О том, что не любит пустыню. А за что ее любить? Летом в Каракумах от жары звенит в ушах, мелкий противный песок лезет во все щели и скрипит на зубах, а от солнца в глазах разноцветные круги, не помогают даже солнечные очки. Отчего же он здесь? Да очень просто: в Каракумах хорошо платят; за сезон можно было накалымить столько, сколько в родном поселке не заработаешь и за три года. Поэтому каждую весну дядя Костик срывался из своих размокших Вятских Полян и вербовался в Ашхабаде в автоколонну. Гонять КамАЗы по транскаракумской трассе тяжело, зато в родной городок возвращаешься королем, пахнущим дальними странами и большими деньгами.

Еще больше пустыни дядя Костик не любил ее обитателей. Когда в самой первой командировке ему посоветовали утром, прежде чем одеться, вытряхивать одежду и обувь, он решил, что над ним смеются, как над любым салагой-новичком смеются везде, хоть в Чите, хоть в Астрахани, хоть в армии, хоть на лесозаготовках.

Однако, увидев, как старые водилы, поднявшись с постели в дырявом сарае, называемом «Домом колхозника», встряхивают шмотки, неуверенно потряс штаны и сам. И из штанов выпала какая-то мохнатая дрянь: паук не паук, скорпион не скорпион. Сколопендра, сказал почти безразлично сосед по койке и, тряхнув собственные сапоги, вытряхнул на пол скорпиона...

Всех этих многоногих, иногда мохнатых, иногда хрустко жестких тварей дядя Костик побаивался, но терпел. Поскольку:

— Всякая тварь для чего-то Богом создана, к чему-то приспособлена. Вот змея. Не трогай ее, и она тебя не тронет, а ейным ядом страшные болезни лечатся. Вот человеку и польза...

И был у меня напарник — Васёк, — балясничал дядя Костик, покручивая баранку. — Вот он ненавидел всех ползающих до злобной дрожи. Я, говорил, со школы знаю, что все сотворил Дарвин, что животные делятся на домашних и диких. Домашних надо употреблять в пользу, а диких по возможности истреблять. Тем более таких, как всяческие каракурты, скорпионы и гюрзы. Я ему, бывало, говорил: убить Божью тварь недолго, но зачем? Тебе от этого лучше станет? А он мне в ответ: станет!..

И вот как-то едем по трассе, Васёк за баранкой, я подремываю. Жара, солнце слепит, мне деревенька моя, кажется, приснилась. И тут визг тормозов, машину повело, я отоснулся — что такое?! А Васёк из кабины вылезает, говорит: гюрзу задавил, пойду, мол, посмотрю. Я за ним, а он подбегает к ней, к раздавленной, и ногой ее — получи, с...! А гюрза уж мертвая, считай, извернулась и клюнула его в сапог. Он давай ее топтать, а она его еще раз клюнула.

В общем, оттащил я его от гюрзы, кое-как в кабину затолкал и по газам! Но не довез, умер Васёк минут через двадцать. Во-о-от...

Дядя Костик закурил, пустил струйку вонючего дыма на ветер за открытым окном и улыбнулся:

— Но вообще, жить тут можно. И фрукты-овощи дешевые, и мясо, да люди по своему хорошие — понимать только надо. Везде ведь свои порядки. Там у нас одно, а тут тебе Азия. Средняя.

Я вдруг вспомнил Петровича...

Когда дядя Костик принялся рассказывать, какой в здешних краях замечательный готовят плов, я спросил:

— Дядь Костик, а где бы нам тут продуктами затариться перед озером?

— Во-он, впереди вышку нефтяную видишь? За ней километров пятнадцать — и поселок, там хороший базар. Все купить можно. Я там однажды знаешь, какие ботиночки отхватил...

Незнакомка

Я сидел на самом солнцепеке и читал «Пятнистого сфинкса» Джой Адмсон. Вокруг гудел самый настоящий восточный базар, беспорядочно раскинувшийся на окраине захудалого городка; где-то в его муравейнике ребята закупали продукты, а мне казалось, что я почти в Африке. Призрачные гепарды носились передо мной по желтой равнине, и ветер приносил откуда-то терпкий запах саванны.

— Вам так голову напечет!

Я поднял глаза и увидел настоящую восточную красавицу. Ей было лет девятнадцать. Тонкое, слегка смуглое лицо, белозубая улыбка, влажные оливковые глаза, черные волосы, едва выглядывающие из-под красной узорчатой шелковой тюбетей-

ки и платка, расшитый легкий халат — чабыт, пестрые шаровары... Тонкие лодыжки и точеные запястья, отягощенные тусклым серебром... В общем, я был сражен.

— Лучше уйти с солнца в тень, — продолжая улыбаться, повторила она, — голову напечет, солнечный удар будет, — и показала место на скамейке рядом с собой.

Словно лунатик, я подхватил сумку и, заложив страницу пальцем, пересел.

— Куда едете? — спросила она.

— Еду? — тупо переспросил я. У меня вдруг все вылетело из головы. — Э-э-э... К озеру... М-м-м... Сарыкамыш.

— Жаль, — она продолжала улыбаться, и от этой улыбки я впал в столбняк, — никак не могу найти попутку. А автобус только к вечеру будет.

Я зачарованно смотрел на нее и не мог вымолвить ни слова.

— Вы из России? — спросила она.

Я кивнул головой, мысленно ругая себя за заторможенность. Что же это со мной такое? Я смотрел на нее и не мог сказать ни слова. Хотелось взять ее за тонкое, изящное запястье и никогда не отпускать.

— Скажите, — она замялась, — только не смейтесь: коньки для льда — железные?

— Коньки для льда? А, да.

— А лыжи?

— Что — лыжи?

— Лыжи тоже железные?

— Лыжи? Нет, лыжи деревянные.

— Что вы говорите?! — она была изумлена. — Но как же они не ломаются? Особенно когда с горы?

— Вы никогда не видели лыж?

— Нет. Вот поеду поступать в институт в Ленинград — обязательно научусь бегать на лыжах. У меня дядя в институте работает в Ленинграде. А вы не из Ленинграда?

— Нет... Водятся у вас здесь гепарды? — осознавая нелепость вопроса, вдруг вымолвил я.

— Раньше водились, — ничуть не смутившись, ответила она. — У моего дедушки был ручной гепард.

— Да?

— Да...

Потом мы молчали, смотрели друг на друга и улыбались. Оттого что она нравилась мне так, как не нравилась еще ни одна девушка, в голове было совершенно пусто, только в груди что-то сладко ныло. До сих пор я вижу ее, словно встретились мы вчера. Гибкая и тонкая, красивая шея и царственная осанка (банально, банально, но — так, но так!), открытый взгляд... Много спустя я узнал, что туркменские девушки никогда не носили хиджаб, не скрывали лица, а в старину даже охотились вместе с мужчинами.

Нужно было что-то сказать, что-то сделать, но я не знал что. Время остановилось, но Джой Адамсон со стуком выпала у меня из рук, и оно снова пошло. Подбежали ребята и загомонили, затормошили, потащили к грузовику — пора, пора, пора... На ходу я оглянулся. Мне показалось, что она хотела что-то сказать, но только приподняла ладошку мне вслед.

Когда я опомнился, машина уже летела по перечеркнутому тенями тополей асфальту среди бахчей и рисовых чеков. Тут только я понял, что нужно было сделать. Адрес, адрес нужно было записать! Или телефон. А еще лучше и то и другое.

— Ты что какой, — тормозили меня друзья, — голову напекло, что ли? Заболел?

А я уже начинал догадываться, что да — заболел. Болезнь эта называется «любовь-с-первого-взгляда». Но не догадывался еще, что запомню эту встречу на

всю жизнь. Тоска о той девушке с восточного базара на окраине пыльного туркменского городка до сих пор таится в моем сердце, томит его, и я продолжаю корить себя: как же я не догадался взять адрес?..

На повороте к Сарыкамышу нас высадили и оставили ждать другую попутку. Мы расселись на рюкзаках и палатках, нас окружал светло-желтый круг пустыни; на западе этот круг рассекала ровная стрела дороги, уходившей к озеру.

«Как же я ее теперь найду? — мучился я. — Это же почти невозможно...»

Я ошибался: это было просто невозможно. В Ленинград я ездил несколько отпусков подряд. Обошел все институты, о которых только знал. Слонялся около них целыми днями. Но нет — не нашел.

Дорога к озеру

...Машина скрылась с глаз, а пыль еще долго висела в горячем воздухе. И я пошел за этой пылью вслед пропавшей машине. Я шел налегке — всю поклажу забрали с собой друзья, удалявшиеся сейчас от меня со скоростью восемьдесят километров в час на почтовом фургоне, водитель которого наотрез отказался брать лишнего пассажира. Я шел по горячему шоссе, шурился от неистового солнца, всем телом ощущая великую сушь Каракумов и время от времени оглядываясь: не идет ли попутка.

Что я сделал глупость, оставшись в пустыне, я понял через два часа, когда вспомнил, что сегодня воскресенье и рассчитывать на случайную машину практически невозможно. Не сказать, чтобы я испугался, но тревога поселилась где-то под сердцем и не уходила. Я был один в центре огромного светло-желтого круга. Я шагал, и уходили назад беленые придорожные столбики, и обглоданные кости саксауловых кустов уплывали назад, но все равно я оставался все там же — в центре заколдованного раскаленного круга. Час, другой, третий — все тот же желтый круг и все та же жара. Ни глотка воды, ни полтени вокруг, кроме собственной, под самыми ногами. И вот уже мысли путаются от жары, и язык превратился в наждак, и нечем плюнуть на дорогу: какого черта так влип!

Как глупо... Упадешь, закроешь глаза, и только дня через два на тебя, распухшего и расклеванного пустынными стервятниками, наткнется почтовый фургон или «Урал» геологов...

Как просто человеку умереть. Сутки без воды в сорокаградусную жару — и конец. Или, например, мороз... Мороженое... Эскимо на палочке... Сливочный пломбир... Белое и сладкое смазывает пересохшее горло, холодит пергаментные легкие. Музыка, фонтан в сиреновом городском сквере, три мокрые бронзовые фигуры с земным шаром, поднятым в голубое небо на вытянутых руках. Нарядные люди... Присесть вот тут, у столбика, отдохнуть, помечтать...

В самую последнюю секунду я увидел, что прямо там, куда я собирался сесть, поднял жало огромный (как мне показалось тогда) скорпион. Это встряхнуло меня еще минут на двадцать. А потом, когда я готов был окончательно и бесповоротно упасть, мне повезло. Прямо под насыпью сохранился кусочек арыка, опушенный густой осочной зеленью. Я пал в мутноватую, с прозеленью воду и пил, пил, пил, не отрываясь, пока вода не полилась из горла обратно в арык. Я лежал на песке, брызгал на себя водой, набранной в футболку, и, остывая, смотрел в воду. Вся она кишела мелкой живностью, но меня совершенно не трогало, что часть этой живности кишела теперь в моем желудке...

И снова я шел по дороге, и снова палило солнце, и уже через пятнадцать минут я был сух, словно и не было никакого арыка...

И перебежал дорогу тушканчик. И проползла вдоль дороги гюрза. И было большое искушение убить черепаху и, разломав панцирь, выпить кровь. А солнце прикипело к зениту и не хотело уходить на закат.

Когда я увидел дом и зелень вокруг дома и услышал лай невидимой собаки, я решил, что это мираж. Но дом был. И были люди, которые подкладывали мне кусочки дыни, подливая в пиалушку огненного чая, качали головой и цокали языками:

— Пешком от самого поворота?! Среди дня?! Да как же шофер тебя не предупредил — это ж верная гибель...

А потом в синеющих сумерках я лежал на мягком топчане, поставленном прямо под открытым небом у дома, и смотрел на горизонт. Там, в немыслимой дали, вдруг налился оранжевым светом непонятный шар, внутри которого червячком извивался ослепительный белый проблеск. Хозяева дома сидели рядом, у костерка, но ни один не указал в ту сторону, не воскликнул: смотрите-ка! И я решил, что у меня бред. Шар поднимался все выше и выше, и я не запомнил того момента, когда он поднялся в мой сон...

Утром выяснилось, что я видел запуск очередного космического корабля с Байконура. Здесь к этому уже привыкли и не обращают внимания.

Кожа на щеках сгорела до костей, зато питье из арыка сошло с рук, никакой дизентерии. Днем я уже обнимался с друзьями и купался в ослепительном синем Сарыкамыше. А еще через день местные рыбаки взяли нас на острова. Мы плыли на моторке по бескрайней синеве. Два часа в огромном синем круге. Пеликаны, словно мини-гидросамолеты, взлетали при нашем приближении, била водой неведомая крупная рыба, показывались и пропадали желто-зеленые островки. И давешняя дорога уже уходила в нереальное. Только мазь на сгоревших щеках еще доказывала реальность случившегося.

Сарыкамыш

Местные утверждают, что на месте озера Сарыкамыш была самая безводная и глубокая в СССР впадина. Но это не так. Сарыкамышская впадина — третья по глубине, около сорока метров ниже уровня мирового океана. И сейчас на дно этой впадины не попасть. Разве что в акваланге. Поскольку теперь здесь раскинулось настоящее море. Не знаю вот только, ныряют ли дайверы на такую глубину. Не интересовался.

Иногда мне очень хочется снова побывать там, на его бескрайних песчаных пляжах, побродить по барханам, в зарослях саксаульников, прячущих медлительных черепах, худых пугливых зайцев-толаев, смешных ушастых ежей и небольших, сияющих, как кипящий чайник, варанов.

На современных картах Средней Азии южнее почти пересохшего Арала и восточнее залива Кара-Богаз-Гол обозначено Сарыкамышское озеро, водное зеркало которого почти три тысячи квадратных километров! Но на картах, изданных до 1971 года, никакого озера здесь нет, есть Сарыкамышская впадина. А произошло следующее. В советское время основную долю поливных земель в Средней Азии занимал хлопчатник. Осенью и зимой хлопковые плантации промывали. Воду пускали из хранилищ через систему ирригационных каналов, естественно, вода уходила в низины, а большая часть — в Сарыкамышскую котловину. Арал мелел, а на месте впадиныросло-разливалось настоящее море.

Каким-то неведомым образом я угадал. Уже потом, значительно позже, я нашел в одном из трудов по зоологии утверждение, что «наиболее благоприятны условия для жизни гепарда в Северо-Западной Туркмении по обрывам Устюрта, где ге-

пард встречен у Кугинек-Кыра, на Узбое и на Каплан-Кыре. Здесь оседлого населения почти нет, а отдаленные районы не посещаются даже чабанами».

Там, в крохотных поселках, местные чабаны, охотники и прокопченные водители вездеходных «Уралов» как один утверждали, что гепард водится еще в южных чинках Устюрта и оврагах увала Карабаур, и, если постараться, можно даже купить шкуру гепарда. Все это вселяло надежду и подогревало азарт. Даже в небольших радиальных походах мы смозолили глаза, выглядывая в песке, на солончаке или на корке такыра вызубренный наизусть гепардов след.

Валера

На берегу Сарыкамыша мы оказались как раз в разгар путины. Лов на озере в те годы вели уже в промышленных масштабах, даже на малых рыболовецких траулерах. Но мы поставили палатки рядом с базой небольшой полуофициальной бригады и ходили «в море» на утлых «казанках». Еще затемно рассаживались по моторкам, дремали, пока те неслись по черной воде к нужному месту, а потом тягали вместе с рыбаками тяжелые сети, битком набитые рыбой; вернувшись, отсыпались в тени навесов, а днем, в самую жару, снова шли к сетям. И еще раз — вечером. Если рыбу не выбрать из сетей сразу, в жаре Северных Каракумов она быстро протухала. Руки ныли от непривычной работы, ладони покрылись волдырями, но нам хотелось показать, что и мы «могём»... Лишь поздно вечером мы садились вокруг костра, слушали рыбацкие байки и хлебали густую ароматную уху, которая от обилия в рыбе фосфора светилась в темноте голубовато-зеленым сиянием.

На третье утро кое-кто из нас остался в палатках. Да и те, кто пошли к лодкам, выглядели так, что рыбаки сжалились и с собой нас не взяли.

Вечером я заглянул в дощатый домик бригадира.

— Валера, как вы выдерживаете? — спросил я невысокого, худощавого, но жилистого мужичка. — Мы же не слабее вас. Вон сорокакилограммовые рюкзак таскаем на себе.

— Во-первых, привычка, — ответил Валера, — а во-вторых, чифир.

Про чифир я, конечно, слышал — что-то связанное с зэками и зоной, с тюрьмой. И, кстати, сразу вспомнил, что и Валере пришлось отсидеть где-то то ли в мордовских, то ли в северных лагерях. Рыбаки намекнули.

— Как бы попробовать этот чифир?

— Да запросто, — Валера внимательно посмотрел на меня, — не боишься? Сердечко-то у тебя здоровое?

— Не боюсь, — ответил я, начиная жалеть о сказанном, — здоровое.

— Ну, смотри...

Валера снял с полки литровую жестяную кружку, поставил ее на спиртовку и налил воды. Потом аккуратно высыпал цирик зеленого чая.

— Лучше бы черного, но есть только зеленый, — сказал он, накрывая кружку фанеркой.

За стеной бытовки нескончаемо свиристели цикады, где-то далеко со стороны чинков Устюрта еле слышно подвывал шакал, по грязной занавеске, мерно покачиваясь, вышагивал большой салатный богомол, охотясь за сонными мухами.

Когда вода закипела, Валера снял кружку с огня, дал ей немного остыть и снова поставил на спиртовку, но закипеть не дал.

Он снял фанерку, и я увидел, что заварка осела на дно; напиток получился темным, смолистым и очень ароматным. Мы сели на нары, и Валера протянул кружку:

— По два-три глотка.

Чифир оказался очень горьким. Валера взял кружку, быстро глотнул пару раз и снова передал мне. И так мы передавали друг другу кружку до тех пор, пока не выцедили все до капли. Валера вышвырнул заварку из кружки за дверь и спросил:

— Ну как?

Я пожал плечами. Во рту ощущалась сильная горечь — и все.

— Минут через пятнадцать прочувствуешь, — сказал Валера.

Тут его позвали, а я отправился в палатку. По дороге к лагерю я взглянул на небо и остолбенел: звезд на небе было раза в три больше, чем обычно! Млечный Путь превратился в густо замешанную, сверкающую бриллиантами дорогу. И в его невероятном свете я вдруг понял, что вижу почти как днем. Я обнаружил, что различаю неровную темную кромку чинков Устюрта, которая и днем-то едва виднеется голубой полоской. Галлюцинация? Но это было совсем не похоже на галлюцинацию.

Потом я почувствовал, как течет кровь по венам, как работает сердце, я ощущал почки и печень, чувствовал выпитый чай у себя в желудке. Я слышал каждый шорох, каждый скрип, слышал, как ветер пересыпает песок на берегу Сарыкамыш, как ящерица охотится за цикадой. В голове было ясно и холодно, я вспомнил все, о чем давно забыл. Мне захотелось пробежаться по пустыне или поплыть через Сарыкамыш, и я был уверен, что смогу сделать это. Всю ночь я бродил в окрестностях лагеря, слушал пустыню, высматривал тайную жизнь зверей, птиц и насекомых, а утром уже ждал рыбаков у моторок.

— Что, пробило? — спросил Валера.

— Ага!

— Теперь понял?

— Ага...

Плохо мне стало, когда я понял, что не могу спать. Вторую ночь я бродил в окрестностях лагеря, очень хотел спать, но не мог. Едва я забирался в спальник, меня словно подбрасывало, я вылезал из палатки и до утра бродил по барханам.

— Не знаю, не знаю, — пожал плечами Валера, когда я ему пожаловался, — со мной такого не бывало. Видимо, особенности твоего организма.

А потом все пропало. Сила словно вытекла из тела, я стал мягким, словно губка, и совершенно безвольным. Я едва дотащился до палатки, рухнул на спальник и уснул. Спал я сутки и проснулся зверски голодным. Выглянул из палатки. В лагере никого не было. Ребята купались в озере; далеко от берега звенели моторки, возвращавшиеся с лова. Я открыл банку тушенки и съел все с куском сухой лепешки, запивая теплой водой из фляжки.

Вечером в бригаду привезли кино. Когда стемнело, между двумя веслами растянули простыню и киномеханик запустил шестнадцатимиллиметровую пленку с «Белым солнцем пустыни». Рыбаки смотрели картину, ели привезенные с ближних бахчей дыни и тихонько переговаривались. Этот фильм за путину им привозили уже раз четвертый.

Встречи в пути

Нужно прямо сказать, научные успехи нашей экспедиции не радовали душу. Мы натыкались на следы степных волков, каракалов, шакалов и пастушьих собак. Ни одни не совпадали с теми, что нарисовал для нас Евгений Матюшин. А свидетельства встреч с гепардом получали мы, что называется, из третьих рук. В порыве хоть что-то найти, отправились вдоль берега Сарыкамыш к ближним чинкам Устюрта.

Плато Устюрт — это почти нестерпимое солнце, почти нестерпимая жара, почти идеальный круг почти безжизненного пространства, в котором взгляд беспрепятственно летит от горизонта до горизонта, не цепляясь ни за что. Идешь, идешь, и начинает казаться, что сколько бы ты ни шел, все равно не сможешь никуда прийти. Пропылит вдалеке стадо сайгаков — чужая дикая жизнь, не касающаяся тебя; напугав, взлетит едва ли не из-под ног орел с растерзанным сусликом в когтях — мимолетная драма; змея рябью чешуи скользнет в темную расселину — сигнал опасности, ненадолго взбадривающей сердце. И снова пустота, пустота, пустота. Такая пустыня может проглотить тебя одним человеком, а выплюнуть другим.

Нет-нет да и покажется вдруг вдали серебристое озеро с черными гребешками стройных тополей и белыми домишками, но никто уже не обращает на них внимания — мираж. Их столько уже было за несколько дней путешествия по пустыне, что глаз не цеплялся за идилические картины, подсовываемые пустыней.

Еще издали заметили мы его — капля невысохшей алой крови на бурой шкуре пустыни. Алый мак. Один-единственный цветок с шелковыми, просвеченными насквозь лучами солнца лепестками. Живой. Трепетный. Нежный, но бесстрашный, хрупкий, но неистребимый. Мы долго стояли, сгрудившись, над трепещущим под пустынным ветром огоньком, и кто-то вдруг промолвил:

— Говорят, Юлий Цезарь сказал: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме».

Все молча согласились.

Позже мне довелось увидеть целые маковые поля — от горизонта до горизонта. Но отчего-то они не произвели такого впечатления и не взволновали душу так, как тот — единственный на всю пустыню.

Много лет спустя в нобелевской речи Ясунари Кавабаты, напечатанной вместо послесловия к его роману «Стон горы», я прочитал: «Один цветок лучше, чем сто, передает великолепии цветка».

Иногда он снится мне, тот алый мак. Бесконечно одинокий и несгибаемо прекрасный...

Что еще приходит на ум, когда я листаю альбом своей памяти и натываюсь на ту полубезумную экспедицию?

Жаба!

Вокруг — сотни потрескавшихся от жары километров земной поверхности, а мы увидели существо, представление о котором настолько не вязалось со здешними краями, что казалось до смешного нереальным. Пересекая наш путь, по сухому такыру величаво шествовала жаба. А мы стояли и смотрели. Не спеша, вразвалочку топала солидных размеров бородавчатая жаба! Невозмутимая и выскомерная, как Черчилль, жаба неуклюже, как это и свойственно жабам, но целеустремленно и явно зная куда и зачем, не обращая внимания на иссушающий жар, шла себе и шла. Если бы у нее в лапе был зонтик от солнца, это удивило бы нас не больше самого факта ее существования посреди сковородки пустыни. Загипнотизированные ее целеустремленностью и невозмутимостью, мы двинулись было за ней, но через несколько минут, не сговариваясь, остановились и оставили ее в покое. Мы знали, что идти ей неоткуда и некуда, но она шла, черт возьми! Откуда-то куда-то, и мы поняли, что нам не по пути и что никогда нам не разгадать загадку этой жабы, похожей одновременно на старого Черчилля и на его бульдога. Может быть, это был таинственный знак, который подала нам судьба... или пусты-

ня? Что-то стронулось, что-то изменило мир. Я смотрел на далекий горизонт и думал о том, что смысл или бессмысленность человеческих поступков порой так же трудно разгадать, как смысл или бессмысленность путешествия той ирреальной жабьей, усеянной бородавками. Но, наверное, если судьба забросила тебя в такое место, где на выбор можно только идти или не идти под палящим зноем по выжженной земле, нужно придать лицу невозмутимое выражение и — идти!

На обратном пути вышли к лагерю гидрогеологов на берегу залива. Все гидрогеологи ушли на катерах в двухдневный маршрут по островам, и нас приютил на ночь молодой, лет тридцати с виду, туркмен Ханжал. «Я тут сторожу потихоньку...»

День угас, и бархатное небо пересек широкий Млечный Путь. Первая ночная свежесть, крыша вагончика, нагретые за день матрасы, тьякканье шакалов где-то за барханом.

Мы смотрели в небо, слушали неумолчный стрекот цикад, вдыхали бездонный воздух пустыни. Я в прохладной неге тянулся на матрасе и слушал, как наш неугомонный и разговорчивый Валера потихоньку болтает с гостеприимным хозяином о том о сем.

Ханжал:

— Звезды всё падают и падают, а меньше их на небе почему-то не становится...

Валера:

— Ханжал, ты разве не знаешь, что это не звезды, а метеориты?!

Ханжал:

— Не-а. А что такое метеориты?

Валера:

— Ну, это осколки небесных тел, комет например...

Ханжал:

— А что такое кометы?

И Валера, вспоминая все, что можно, из школьной астрономии, учительским тоном, гордясь своим кругозором, прочитал Ханжалу целую лекцию. Ханжал только кричал и восклицал:

— Да ну? Не может быть! Ух, ты!..

Под эту лекцию я и заснул.

Утром вернулись гидрогеологи, угостили нас свежепойманной сомятиной и рассказали, что видели на берегу необычайно крупного варана.

— Каркидон, наверное, — пошутил кто-то.

В тот раз я впервые услышал об этом мифическом звере — каркидоне.

Потом нас проводили к берегу Сарыкамьша, вдоль которого нам предстояло возвращаться на базу рыбаков. Уже у озера мы спохватились:

— Черт! Со сторожем не попрощались!

— С каким сторожем?

— С Ханжалом.

— Ребята, он не сторож, он начальник экспедиции...

Валера медленно налился румянцем...

Легенда о каркидонах

О каркидонах как-то вечером у саксаулового костерка рассказал мне парень из бригады Валеры.

— Работали мы на буровой. Деньгу зашибали. А что тут еще делать? Вкалываешь, конечно, как раб на галерах, зато потом — кум королю. Хочешь — в Сочи, хо-

чешь — в Гагру. Ну и шмотки там, на машину можно накопить, на кооператив... Но скучно. И вот мы стали с местными на охоту ездить. Сайгаков стрелять. Вроде бы и нельзя, но кто тут проверит.

И вот как-то раз поехали за свежатиной. На двух газиках. Мы правее взяли, а ребята на втором газике левее, чтобы площадь побольше захватить. Ну, мотаемся по равнинке, Сарыкамыш вдали показался. Сайгаков нет как нет. И вдруг смотрим, второй газик несется, не разбирая дороги, нам наперерез. Тормозят, а сами бледные, глаза шальные, волосы дыбом! Крокодилы, говорят. И видим, действительно что-то сильно напуганы.

Успокоились немного, рассказали: заметили сайгаков и начали догонять стадо, но тут попали в пухляк. В азарте не заметили...

Что такое пухляк, я уже знал. Если машина вдруг забуксует на такыре, то верхняя плотная, как асфальт, корка проламывается, а под ней лёсс — мельчайшая пыль, которая в руке течет, как вода. В этой пыли колесу не за что зацепиться, оно прокручивается впустую, и машина проваливается все глубже. А если такыр мокрый, то есть не до конца высохший, тогда еще хуже: под коркой оказывается вязкая, как пластилин, масса, которая затягивает все, что в нее попадет, не хуже болота.

— Ну вот, — кивнув головой, подтвердил мои рассуждения парень, — в такой пухляк они и залетели. Был бы грузовик — там бы и остались. Без помощи не выбраться. Но газик кое-как вытолкали. И тут в такыре что-то завозилось, и из-под лёсса показались страшные крокодильи морды! Совершенно жуткие твари...

Мы-то, конечно, не поверили, поехали по их следам, посмотреть, что там за крокодилы.

Подъехали, нашли место, где их газик буксовал — ничего. Хотели посмеяться над храбрецами, но тут, как в кошмаре, из пухляка вылезло несколько страшных тварей, действительно похожих на огромных крокодилов. Тут мы и сами рванули на буровую, даже не вспомнили, что у нас ружья были... Когда обратно ехали, наткнулись на жуткую картину: ложбинка, полная сайгачьих скелетов. И это не браконьеров дело было, мы это сразу поняли. Браконьеры никогда не разделяют добычу на месте, да еще так — подчистую. Местных потом спрашивали, говорят — каркидоны. Вараны-мутанты. С хлопковых полей химия в озера, в такыры, в солончаки вместе с отработанными водами стекала, вот зверье и мутировало...

Парень передернул плечами:

— До сих пор в дрожь бросает, как вспомню!

Рассказ этот я записал в свой походный дневник как местную легенду и, конечно, не поверил в ее реальность. Но спустя много лет наткнулся на рассказы о каркидонах в Интернете. Будто бы когда слухи о чудовищах прокатились по всей Туркмении, дело дошло аж до Политбюро. Якобы приказано было мутантов ликвидировать, и как можно быстрее. В тот год в Туркестанском военном округе ввиду накалявшейся в Афганистане обстановки были проведены крупномасштабные учения. Весной семьдесят девятого начались масштабные учебные сборы, на которые были призваны из запаса десятки тысяч военнообязанных. Завершились сборы учениями с интенсивной боевой стрельбой. Слухи о каркидонах после этого пошли на убыль...

До сих пор не могу простить себе, что не зацепился за эту легенду, не расспросил как следует, не побывал в тех местах, где видели этих мифических каркидонов. А ведь был совсем рядом...

Бахтияр

Валера правил в своей небольшой бригаде, как хан. Справедливый и великодушный, но — хан. Наверное, в тех условиях и с тем сбродом, что вливался порой в эти полудикие бригады, по-другому было и невозможно. Единственным человеком, которого он признавал за равного, был Бахтияр.

— Между прочим, вот этот остров раньше назывался Заячьим, а теперь называется Бахтияровским, — сказал он мне как-то, рассматривая со мной карту озера и приозерных земель. — Знаешь почему?

Я, естественно, не знал, и Валера рассказал почему.

Когда человеку суждено умереть? Никто не знает. Нет, знает Аллах. И больше никто. Говорят, человек предчувствует приближение смерти. Бахтияр прислушался: нет, он чувствовал жжение под веками, словно на глазные яблоки насыпали песку, чувствовал тупую боль голода в желудке, слабость во всем теле чувствовал. А смерти — нет, не чувствовал. Между тем становилось все очевиднее, что смерть дышит ему в лицо.

Бахтияр разлепил веки и снова увидел зайца. В дрожащем мареве жары он неторопливо двигался в редких зарослях саксаула, выискивая, что можно взять своими длинными желтоватыми резцами. Пустынный заяц — толай был тощ и легок, словно столетнее чучело, но Бахтияр знал: этого зайца ему хватило бы на то, чтобы продлить жизнь дней на пять, а то и на полную неделю.

Еще три дня назад он с куском саксаулового обломка в руках пытался догнать зайца, отрезать его от широкой части острова, загнать его на узкую косу, а сейчас лишь равнодушно отвернулся. В десяти метрах от него пасся заяц или в десяти километрах — не имело значения, заяц был недосыгаем.

Бахтияр заставил себя сесть. Посмотрел вокруг. Пусто. Не считая его самого, зайца и больших пеликанов на отмели у дальнего конца острова, — ни души. Зная, что ничего не найдет, все же в который раз обшарил все карманы штанов и куртки. Естественно, ничего не нашел. Бутерброд с сыром, который он захватил, уходя на острова, был доеден на третий день. Одна треть в первый день, вторая треть — во второй, и третья — в третий. И потом еще пять дней без еды. Стараясь не обращать внимания на ломоту во всем теле, Бахтияр поднялся и пошел к берегу. Полузанесенная песком моторка по-прежнему торчала на отмели. Большая куча саксаула и высохшего плавника, сложенная им еще в первый день после шторма, все так же чернела на вершине песчаного бугра. Он знал, что там же, под корягой, лежат и завернутые в полиэтилен спички. Бахтияр добрал до лодки, уселся на уже горячий, несмотря на раннее утро, дюралевый нос и застыл.

Он знал, что день будет длинным. Очень длинным. Очень-очень длинным, практически бесконечным. Хорошо еще, что весна и вода в озере не слишком соленая. Во-первых, ее можно почти без отвращения пить, во-вторых, в самое пекло можно прямо в одежде войти в воду, а потом в мокрой одежде лежать в тени моторки. Правда, в конце концов полоска тени становится такой узкой, что в ней почти невозможно поместиться, но к этому времени все чувства настолько притупляются, что можно пролежать час на одном боку, не заметив.

Сегодня его отчего-то особенно мучил вопрос: откуда на острове взялся заяц? Приплыл? Но насколько хватало глаз, до самого горизонта, не было даже намек на еще один остров, а тем более на основной берег. Может быть, принесло на каком-то обломке дерева? Вряд ли... А может, никакого зайца вовсе и нет? Может быть, это галлюцинация, мираж, игра загнанного в угол разума? Сейчас может быть. Но

зайца он увидел в первый же день, а в тот день он хоть и был крайне измучен штормом, но вполне в своем уме.

Солнце погрузилось в край озера и, словно детский мячик, никак не хотело тонуть. Бахтияр, опираясь на жесткое ребро борта моторки, приподнялся и сел. Из саксауловых зарослей вышел волк. Бахтияр удивился: вот уж волка тут совершенно точно быть не могло. Во-первых, он обошел весь остров и никого, кроме зайца, не встретил, а спрятаться на острове было попросту невозможно. Во-вторых, волк был не пустынный — мелкий и тощий, больше похожий на шакала, а большой северный, с густой белесой шкурой и «воротником» серебристого меха. И тут Бахтияр понял: это в образе волка пришла за ним смерть. Вот сейчас она на неслышных лапах приблизится к нему, он почует у лица ее горячее дыхание, клыки сомкнутся на незащитной шее, и...

По берегу бежала жена Бахтияра, кричала на волка и махала веткой. И волк повернулся и нехотя потрусил в саксаульник. Бахтияр проводил волка взглядом. А потом повернулся к берегу, но жены уже не было. И Бахтияр, облегченно вздохнув, повалился на песок. В этот же миг утонуло и солнце.

Женщины. Конечно — это существа низшего порядка. Но разве хоть один мужчина на свете сильнее женщины? Разве может сын быть сильнее матери, родившей его? У Бахтияра в доме семь женщин. Мать, жена и пять младших сестер. Отец погиб в пустыне, когда Бахтияру не было и восьми. Старший мужчина в доме! Что такое старший мужчина в доме? Пять сестер замуж выдавать! Бахтияр улыбнулся и почувствовал, что еще жив, потому что резкой болью отдались потрескавшиеся, запекшиеся губы. Сестры, как в фильме «Белое солнце пустыни». Зухра, Саида, Лейла... Глупый фильм, наивный... А хороший, добрый.

Шесть женщин в доме. А он еще и женился. Жену он увидел почти девочкой, когда она вместе с другими афганскими беженцами приехала в Куня-Ургенч. Увидел испуганной потерянной девушкой-подростком и сразу понял: это его женщина. И вот теперь она спасла его от волка.

Ночью, когда спала жара, Бахтияр забрался в моторку и накинул на себя кусок брезента. Как ни странно, скоро он будет мерзнуть, в пустыне так — днем пекло, под утро холод. Он смотрел на звездную россыпь, слушал плеск озера и чувствовал, как внутри зреет обида. Хотя обижаться-то вроде бы и не на кого, не на озеро же обижаться. Ему, этому огромному, поблескивающему под звездами пространству, безразлично все, даже звезды, что отражаются на его груди, не то что какой-то человек, скорчившийся в дюралевой скорлупке на одном из бесчисленных островов.

Озеро... Бахтияр помнил те времена, когда на месте этого озера тянулась серая, в солончаках и такырах впадина, поросшая саксауловыми рошицами, и учительница, привозившая их сюда подростками в пыльном тряском автобусе «гаджик», говорила: «Это, дети, самая глубокая впадина в Советском Союзе и одно из самых сухих мест на планете...» Бахтияру очень хотелось найти ту — теперь уже, наверное, совсем дряхлую — учительницу и привезти ее сюда, показать, что сделали люди за пару десятков лет с закоулком земли на северной границе Каракумов, показать, что вместо усохшего Арала плещется теперь вот это невообразимое озеро. Озеро, на котором порой внезапно разыгрываются короткие, но такие свирепые шторма. Озеро, которое скоро его уьет...

Как это странно. Погибнуть на необитаемом острове посреди пустыни. Бахтияр даже засмеялся, но смеяться было очень больно, и он перестал. А все же странно.

Раз в неделю из самого сердца пустыни в Бухару уходили рефрижераторы, набитые рыбой, выловленной в озере, разлившимся в некогда самом безжизненном краю. С одним из этих рефрижераторов на исходе путины собирался ехать до Куня-Ургенча и Бахтияр, да передумал. Дома сейчас думают, что он тянет со своим напарником, русским Валерой, сети, а если нет, то играет на береговой базе в нарды и пьет огненный чай, а на базе уверены, что Бахтияр уже «командует своим женским батальоном». И еще долго никто его не хватится и не будет искать.

...Бахтияр открыл глаза и не сразу смог вспомнить — где он и зачем он здесь. В общем-то, и глаза открывать было незачем. А зачем? Все то же озеро, все тот же песок, заяц, может быть, по-прежнему скачет где-то в саксаульнике. Даже волк больше не приходит...

И все же что-то ныло в груди и заставляло держать веки открытыми. Предчувствие, что вот-вот появится волк-смерть? Но вместо волка из-за песчаного гребня вдруг показался огромный белый верблюд. Говорят, у верблюда презрительный взгляд. Ерунда — глаза верблюда печальны, словно знает он о мире что-то такое, чего человеку не дано узнать никогда. Верблюду тяжело носить в себе эту тайну и поделиться ею не дано. Большая печальная тайна в глазах верблюда... Белый верблюд — к счастью. Но вот вопрос: гребень был совсем невысоким — Бахтияру по пояс, как же такой огромный верблюд мог поместиться за ним? Бахтияр сел и всмотрелся. Верблюд медленно растаял в знойном мареве, но вместо него где-то у края горизонта показалась черточка моторки и белая полоска пены за ней. Бахтияр сидел и смотрел, как моторка по касательной проходит мимо острова, и вдруг задрожал, спохватился и, поминутно валясь на песок, поковылял к саксауловой куче. Дерево, высушенное пустынным солнцем, вспыхнуло так, что Бахтияру пришлось откатиться подальше от костра. Он повернулся к озеру и вдруг с ужасом понял, что белое саксауловое пламя днем с моторки не увидеть! Он вскочил на ноги и в диком отчаянии разодрал ссохшийся рот и закричал. И сам поразился сиплым, едва слышным звукам, вырвавшимся из горла. Моторка шла мимо.

И вот когда он уже готов был упасть в песок, чтобы уж больше никогда не подняться, что-то произошло. Словно кто-то взял его за руку и повел к валявшейся на берегу лодке. Бахтияр подошел к моторке, залез в нее и, не осознавая, что делает, вытащил из-под кормовой банки бензобак. Когда мотор сорвало штормом, бензина в баке оставалось еще на треть. С бензобаком в руках он медленно вернулся к уже догорающему костру и аккуратно положил бак прямо в центр рдеющих углей. В последнюю секунду он, словно очнувшись, кинулся за гребень, и тут же над ним раздался страшный взрыв. Черное облако, клубясь, ушло в небо.

Бахтияр отполз от страшного жара и посмотрел на озеро. Моторку уже почти не было видно. Долго-долго тянулось время, и когда он уже готов был умереть, моторка вдруг начала расти в размерах, а звон ее мотора стал нарастать.

Вот тогда Бахтияр и заплакал...

Ложки для Бахтияра

Путина закончилась. И заканчивался отпуск; пора было уезжать. Утром мы с Валерой отправились к Бахтияру. Бахтияр жил в длинном глинобитном доме на краю поселка. У невысокого серого дувала мы остановились. Бахтияр ходил по крыше дома и кланялся. Мы с Валерой удивленно переглянулись. Бахтияр делал шаг, наклонялся и, выпрямившись, делал следующий шаг, и снова наклонялся. Увидев нас, он сверкнул сквозь черную бороду крепкими зубами и махнул рукой: *забирайтесь сюда!*

Только поднявшись на плоскую крышу, мы поняли, в чем дело. Вся кровля была покрыта двадцатипятирублевыми бумажками.

Нужно жить в советские времена, чтобы понять, какое впечатление на меня произвела эта картина! Мне с моими ста двадцатью рублями месячного жалованья для того, чтобы скопить столько денег, нужно было бы трудиться лет двести.

На Валеру, однако, все это не произвело никакого впечатления.

— Чем это ты занимаешься? — смеясь, спросил он друга. — Капиталы проветриваешь?

— Да вот, представляешь, — развел руками Бахтияр, — деньги-то я в коробках из-под ботинок храню, в тайнике. А вчера вдруг прошел дождь. Представляешь! Десять лет не было здесь настоящего дождя, а тут — ливень! Представляешь? Все промокло, все деньги. Вот пришлось сушить. Подождите, сейчас переверну остатки, и будем чай пить.

И он принялся переворачивать бумажки, придавливая каждую камешком, чтобы не дуло слабым ветерком, подувавшим с Сарыкамыша.

Я, конечно, знал, что сарыкамышские рыбаки зарабатывают очень хорошо. Но чтобы так!..

— Да это же не за одну путину, — сказал Валера, увидев, как я поражен. — К тому же живет он практически натуральным хозяйством: овощи, фрукты — все свое. Муку только покупает да из одежды что-то. На что ему тратить? Не на что. Ну и накопилось. Вот сестер будет замуж выдавать — потратит. И все равно много останется...

— И у тебя столько же? — не удержался я от вопроса.

— Не-е, я трачу. Я поеду в Москву, в Питер, потом в Ялту, потом в Сочи... Девочки, карты... Мне иногда даже не хватает, — Валера ухмыльнулся, — Бахтияр на дорожку переводом присылает...

Я знал, что Валера отсидел несколько лет в каких-то северных лагерях. Не знал, правда, за что. Семья его обратно не приняла, вот он и осел здесь, на краю земли, вкальывая на путинах, а в перерывах прожигая жизнь.

Вечером мы сидели на деревянном настиле, застеленном коврами, и пили зеленый, с непривычным для меня вкусом, огненный чай. В зарослях душистого тамариска, что разросся вдоль южной стены дома, сновали вездесущие воробьи и юркие зеленые ящерики.

— Хочу машину купить, — сказал Бахтияр, — но не знаю какую. У нас тут никто в машинах не разбирается. В верблюдах, в лошадях, в ослах — да, а вот в машинах... Вы, русские, про машины всё знаете, вот и посоветуйте.

Мне кажется, Бахтияр подначивал нас, он ведь в армии служил в танковых войсках, но мы с Валерой вдруг действительно заспорили. Он стоял за практичные «Жигули», а я — за комфортабельную «Волгу». Спор был, конечно, несерьезным, но мы даже стали орать друг на друга и стучать по коври ладонями:

— «Волга» — дерьмо! Она же ненадежная, ее криворукие собирают! На запчастях разоришься!

— «Жигули», что ли, надежные, здесь у вас даже техстанций для них нету!

Но тут Бахтияр засмеялся, хлопнул нас по спинам и заявил:

— Да чего вы спорите, куплю и «Волгу», и «Жигули»!..

На следующий день мы уехали. На холодильнике нас подвезли до Куны-Ургенча, откуда мы добрались до железнодорожной станции в Ходжейли, где собирались сесть на поезд. Поезд должен был прийти лишь под утро, и мы, бросив спальники прямо на газон, расположились под чахлыми деревцами. Ночь, как всегда на юге, упала стремительно. Сквозь редкие ветви прямо в лицо сияли неправдо-

подобные звезды. Только в пустыне можно увидеть такие. От арыка приятно тянуло сыростью, кто-то попискивал в кустах, пахло шлаком и еще чем-то пряным и сладким. На станции тоскливо вскрикивал маневровый паровозик.

Не спалось, и я пошел к арыку.

— Пойдем угрей ловить.

Я обернулся. В отблесках вокзального света он выглядел странно. Рваная тельняшка, безразмерные брюки, подтянутые потрескавшимся лакированным ремнем. Коротко стриженные волосы — торчком.

— Пойдем, поезд только под утро. И наловить успеем, и пожарить.

В руках палка с примотанной на конец вилкой и матерчатая сумка, подозрительно оттопырившая бок и подрагивавшая. Бич. Бывший интеллигентный человек. Он все время живет так, как я могу позволить себе жить только во время отпуска. Сколько ему лет? Время оставило на нем массу отметин: морщины, шрамы, синие письмена татуировок... У таких людей физический возраст никогда не совпадает с истинным, с тем, который несмываемым отпечатком ложится на душу.

Он вдруг повернулся, замер и резко наклонился над арыком. Мелькнул блик по черной воде, плеснуло, завозилось, и что-то мокрое и длинное шмякнулось с конца палки в сумку. Он улыбнулся, и я разглядел корявые останки зубов.

Я не пошел за ним вдоль арыка, только проводил взглядом его полосатую спину. И потом долго об этом жалел. Мы хотим приключений, тянемся к необычному, но когда оно приходит, пасуем...

Утром мы загрузили свои рюкзаки и палатки в вагон. Колеса застучали по стыкам рельсов, замелькали за окном то чахлые заросли саксаула, то дымящиеся под ветром барханы, то каменистые пустоши; иногда на придорожных столбах изваяниями застывали степные орлы. Когда поезд пролетал пыльные плоские поселки, можно было увидеть надменного верблюда или пару покорных осликов. Я смотрел в окно до самой ночи, а когда стало совсем темно, забрался на верхнюю полку и крепко уснул.

Гепарда мы так и не нашли, и отчет мой с отрывочными сведениями о нем вряд ли порадовал сотрудников зоомузея МГУ. Странно, в путешествии нашем не произошло ничего очень уж особенного, не случилось ничего из ряда вон. Мы прожили отрезок обычной, если не считать среднеазиатского антуража, советской жизни. Но что-то стронулось в душе, что-то стало для меня иным в этом мире. Что это — я и сейчас не могу понять. Впереди было много чего: закат Леонида Ильича, несбывшаяся надежда на андроповский порядок, стремительная эпоха говорливого Горбачева, когда казалось, что вот-вот наступит хорошая справедливая жизнь, и Ельцин на танке, и криминальная война, и наркотический шквал, и отпадение Средней Азии. Жизнь шла своим чередом, плохого и хорошего в ней было, пожалуй, примерно поровну.

Ни с Валерой, ни с Бахтияром я больше никогда не виделся. Правда, через год Бахтияр прислал мне письмо, в котором попросил купить вилки и ложки. Нужно было для приданого сестрам, тогда у них это был большой дефицит. Когда я покупал эти вилки-ложки, в магазине на меня смотрели с удивлением. Еще бы, сестер у Бахтияра было пять.

В ответ он прислал мне ящик вяленой сарыкамышской рыбы, в письме звал в гости, и я собирался. Но потом страны с названием СССР не стало, я несколько раз переезжал и потерял адреса и Бахтияра, и Валеры. Но мне до сих пор снятся иногда серебристо-голубой Сарыкамыш, бригадир Валера с печальными глазами и веселый Бахтияр. Иногда в моих снах он ходит по крыше и кланяется.